

Павел ГРУШКО

БОСТОНСКИЕ БЛЮЗЫ *2004-2007*

Маргарите Рудяк

1.

Зачем нам память дана? Когда это началось?
Есть ли память у птицы? Помнит ли рыба, лось?
Забыть бы свои обиды, забыть бы зависть и злость.

Что я знаю о мире, — думаю я иногда.
Что я знаю о людях, — думаю я иногда.
И себя-то не знаю толком, — что я знаю тогда?

О жизни только и знаю, что довелось очнуться.
О смерти только и знаю, что с нею не разминуться.
Вот бы однажды снова на эту орбиту вернуться.

В девять лет у меня появился первый ребёнок.
Война началась, — не стало молока и пелёнок.
Первый ребёнок — сестра, худенький воронёнок.

2.

Всё его раздражает, всё ему не по нутру.
все его раздражают, а особенно не по нутру
тот, что глядит на него из зеркала поутру.

Старик в тельняшке, зевая, смотрит на самолёт.
Крестится, чешет в затылке, глядя на самолёт.
Думает, сколько дюрали на крышу сарая пойдёт.

Плачут, обнявшись, двое, — две ноги на двоих.
В праздник Победы плачут, — две ноги на двоих.
Вспоминают, обнявшись, павших друзей своих.

За что человека терзали, били, жилы тянули?
Ведь знали, что всё равно он не минует пули...
Узнав всю правду, стало укусом *киндзмараули*.

Горько плачет старик: стоило ли родиться?
На столе у него чёрствый хлеб и водица.
Был, как будто и не был, вот и вся небылица.

Если дом загорится, что прежде всего унести?
Если случится такое, что прежде всего унести?
Старое фото мамы со мною лет девяти.

3.

Любящие обнимаются, — юность своё берёт.
Любящие целуются, — юность своё берёт.

И не рождённые дети препираются: чей черёд.

Женщина-лилипутка лукаво глядит на меня:
как только такого верзилу может носить земля.
Как звать малышку? Возможно, *Ми*, но скорее — *Ля*.

Всегда на этом углу я слышу запах сирени.
Даже в морозный день — слышу запах сирени.
Та женщина пронеслась, будто ветер весенний.

Похоже, что я люблю невысоких блондинок.
Так вышло, что я люблю невысоких блондинок.
Бывает, что и высоких толстоватых латинок.

Я иногда приседаю, поза моя смешна.
Подгибаю колени, — поза моя смешна.
И мир, — каким его видит маленькая она.

Прошу тебя, привези мне в подарок что-то одно.
Какую-нибудь открытку, или камушек, — всё равно.
Я твои пальцы пригублю, — и губы твои заодно.

Было бы что отдать, всегда найдётся кому.
Отдавать очень важно, было бы только — кому.
Всё Маше отдам, а себе её улыбку возьму.

Pavel Grushko

Boston Blues

To Margarita Rudyak

1

Why was memory given to us? When did it first commence?
Does a bird have memory? The elk or the fish, by chance?
O, to forget jealousy, spite, each insult and every offense.

What do I know of the world, - I ponder, now and again.
What do I know of people, - I ponder, now and again.
I don't even know myself, - so what could I know then?

All I know about life is I somehow happened to wake.
All I know about death is it's certain, without a mistake.
O, how great it would be to come back for a double-take.

I had my first child at nine, I was hardly prepared.
War had begun, - swaddles and milk were both rare.
First child – a sister, a raven – so thin and threadbare.

2

Everything irks him, and nothing is dear to his heart.
Everyone irks him, and the very least dear to this heart
Is the one in the mirror each morning - his counterpart.

An old man, yawning, looks up at the plane overhead.
Makes the sign of the cross, while looking up overhead.
Thinks, how much duralumin will go to the roof of the shed.

Two stand crying, embracing, – two legs in all, for the two.
Crying on Victory Day – just two legs in all, for the two.
Embracing, recalling the friends who did not make it through.

Why were his tendons ripped out, a man beaten so cruelly?
They knew that his bullet was inescapable truly...
Truth was transformed into vinegar of *kindzmarauli*.¹

The old man weeps bitterly: why was I born in the end?
On his table, there's water and a crust of old bread.
I've lived, and soon I'll depart, what is more to be said?

If the house should burn, what shall I grab as I flee?
If this should happen one day, what shall I grab as I flee?
Old photo of mother next to the nine-year-old me.

3

¹ Georgian wine, that Stalin loved.

Those in love are embracing, - youth is taking its due.
Those in love are now kissing, - youth is taking its due.
And the unborn children squabble: who is next in the queue.

The Lilliput-woman is gazing slyly at me from afar:
How can the earth bear someone so tall and bizarre.
What's the little one's name? *Mi*, no, probably – *La*.

On this corner, I hear lilacs' scents as they swing.
Even on blistery days, I hear lilacs' scents as they swing.
That woman rushed by me, like the wind during spring.

I'm attracted, it seems, to the blondes who are usually small.
I'm attracted, I'm sure, to the blondes who are usually small.
And at times, to Latinas as well, who are chubby and tall.

Sometimes I squat, in an awkward pose, undeterred.
I am bending my knees, - in an awkward pose, undeterred.
And the world appears, - how it seems to the little one, her.

Bring me just one simple gift, nothing more, I implore.
Some stone or a postcard you happened to see in the store.
I will sample your fingers, - and also those lips I adore.

If I only had something to give, I would find to whom.
It's important to give, if only I knew now - to whom.
I will give all to Masha, in exchange for her smile in bloom.

Translated by **Andrey Kneller**